

DOI 10.32726/2411-3417-2026-1-116-128
УДК 327

ЕЛЕНА ШТРЫКОВА, ДМИТРИЙ ФЁДОРОВ

Искусственный интеллект как фактор трансформации международных отношений: обзор отечественных и зарубежных экспертных публикаций

Аннотация. В статье представлен аналитический обзор актуальных экспертных публикаций по проблематике внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в сферу международных отношений. В ряде стран ИИ уже активно используется во внешнеполитическом планировании, при моделировании кризисов, в подготовке к переговорам и для решения других дипломатических задач. Эксперты указывают на двойственный потенциал ИИ: с одной стороны, быстрая и эффективная обработка больших объёмов данных открывает беспрецедентные возможности, с другой стороны, возникают новые геополитические, технологические и этические вызовы. Особое внимание уделяется угрозам технологического неокOLONиализма, утраты суверенитета и разрушения традиционных основ дипломатии как искусства межчеловеческих отношений. На этом фоне остро встает вопрос о необходимости международного регулирования в сфере ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, международные отношения, дипломатия, неокOLONиализм, технологический суверенитет, новая иерархия.

В ряде стран искусственный интеллект (ИИ) уже активно используется во внешнеполитическом планировании, при моделировании кризисов, в подготовке к переговорам и для решения других задач в сфере международных отношений. Начинает формироваться качественно новая парадигма, в рамках которой алгоритмы ИИ из прикладного инструмента, повышающего эффективность работы военных и гражданских специалистов, превращаются в субъект стратегического планирования.

На этом фоне продолжается экспертное обсуждение перспектив дальнейшего внедрения ИИ в различные аспекты международных отношений. Основным предметом развернувшейся дискуссии стал поиск оптимального соотношения между позитивной ролью ИИ (в повышении эффективности кризисного моделирования, ведения переговоров, решения иных задач внешнеполитических ведомств) и потенциальными риска-

Сведения об авторе: ШТРЫКОВА Елена Михайловна — сотрудник Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, шеф-редактор портала «Перспективы», shtrykovaem@inbox.ru;

ФЁДОРОВ Дмитрий Юрьевич — эксперт Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, dyfdrv@gmail.com.

ми, такими как возможные искажения результатов анализа больших массивов данных, уязвимость к хакерским атакам, использование ИИ для технологического, экономического и ценностного доминирования, широкий спектр связанных с ИИ этических проблем и др.

ИИ как инструмент повышения эффективности внешней политики

Согласно распространенным ожиданиям, ИИ-модели, используемые для автоматизации рутинных задач, а также повышения эффективности анализа данных и прогнозирования кризисов, будут гармонично интегрированы в повседневную дипломатическую практику, высвобождая ресурсы для решения задач, требующих участия человека. В интервью одного из ведущих экспертов в области использования ИИ во внешней политике, бывшего высокопоставленного сотрудника Агентства национальной безопасности США, а ныне советника ряда корпораций и лектора Университета Джонса Хопкинса (США) Р. Беркоффа, опубликованном в июне 2025 г. под заголовком «Может ли искусственный интеллект принимать решения о войне и мире?», подчеркивается: «Современный подход трактует искусственный интеллект как инструмент расширения и усиления [когнитивных] возможностей... Благодаря растущей вычислительной мощности реализуются сложные сценарии моделирования и симуляции, в том числе на основе технологии цифровых двойников... Это повышает ситуационную осведомленность, расширяет спектр опций, позволяет взвесить потенциальные последствия и минимизирует неопределенность при принятии решений» [Berkoff].

В статье сингапурских экспертов А. Хемраджани и Р. Тана, опубликованной в интернет-издании Школы международных исследований им. С. Раджаратнама (RSIS) при Наньянском технологическом университете, также сделан акцент на способности ИИ быстро обрабатывать колоссальные объемы данных, что позволяет автоматизировать документооборот и прочие вспомогательные функции, сосредоточив усилия дипломатов на задачах стратегии и взаимодействия. Областью применения ИИ становится прогнозирование событий и тенденций на международной арене, в том числе конфликтов, нестабильности и геополитических сдвигов. Так, в Технологическом университете Мюнстера (Германия) разработана модель, с помощью которой, как утверждает, можно оценить шансы на стабильное развитие любой страны. Кроме того, ИИ-технологии открывают беспрецедентные возможности по мониторингу современных процессов в реальном времени (включая анализ социальных сетей и другую текущую информацию), моделированию переговорных стратегий и кризисного регулирования, предупреждению и разрешению конфликтов [Hemrajani, Tan].

В формулировке сингапурских экспертов, «применение ИИ-моделей способно трансформировать саму архитектуру международных переговоров, особенно в части разработки мирных соглашений и организации коммуникации между сторонами» [Hemrajani, Tan]. Обученная на результатах игрового моделирования, анализе публикаций СМИ и исторических документов, ИИ-модель способна генерировать варианты предложений по урегулированию конфликтов с заданными предпочтениями по тем или иным

параметрам (таким как территориальные вопросы, безопасность, соответствие нормам права и экономическим соглашениям).

Авторы отмечают успешное использование, в рамках миссии ООН в Ливии и курируемого ею мирного процесса, ИИ-платформы Remesh, которая вела масштабные опросы и обеспечивала чат с большим количеством участников — до 1000 в каждой сессии. «Доступный через мобильные устройства с низкой пропускной способностью и поддерживающий местные диалекты арабского языка, данный инструмент помог сформировать дорожную карту постконфликтного урегулирования...» [Nemrajaní, Tan].

В качестве еще одного примера использования ИИ в кризисном регулировании приводится разработанная Всемирным банком ИИ-модель для прогнозирования потоков беженцев из Южного Судана и Демократической Республики Конго в Уганду.

Технологии расширенной реальности (XR), цифровых двойников и виртуального моделирования используются для подготовки к сложным ситуациям и переговорам, что, как ожидается, позволит минимизировать риски нежелательных сценариев. Так, «цифровой двойник морского спора способен имитировать совокупность последствий таких мер, как введение морской блокады или создание бесполетной зоны, включая цепную реакцию всех экономических и политических эффектов» [Nemrajaní, Tan]. В этой связи упоминается программный комплекс North Star (разработчик — базирующаяся в Нью-Йорке компания Anadyr Horizon), определяющий на основе анализа политических, экономических и военных факторов вероятность международного конфликта или эскалации.

Сингапурские эксперты указывают и на пределы возможностей ИИ в сфере международных отношений. Ссылаясь на мнение одного из ведущих авторитетов в области ИИ, профессора Калифорнийского университета в Беркли С. Рассела, они предупреждают от «солюционизма», упования на то, что ИИ-технологии разрешат все проблемы. «Геополитические вопросы часто связаны с крайне сложными и деликатными человеческими конфликтами, где дипломатия по-прежнему опирается на доверие и эмпатию, которые возникают исключительно в ходе коммуникации между людьми. Американо-китайское сближение 1970-х годов стало возможным во многом благодаря личной симпатии между госсекретарем США Г. Киссинджером и главой Госсовета КНР Чжоу Эньлаем — ни один технологический алгоритм не был бы в состоянии смоделировать все нюансы их неофициальных переговоров» [Nemrajaní, Tan]. Кроме того, инструменты ИИ уязвимы и могут выдавать ошибочные результаты под воздействием манипуляций со стороны противника, дипфейков, дезинформации и других факторов. Поэтому «окончательные решения должны оставаться прерогативой дипломатии, тонко учитывающей исторический контекст и эмоциональные факторы» [Nemrajaní, Tan].

В заключение эксперты RSIS подчеркивают ценность внешнеполитического потенциала ИИ для Сингапура «как малой страны, высоко интегрированной» в междуна-

родную систему [Nemrajaní, Tan]. Тем самым они указывают на дополнительное стратегическое преимущество, которое ИИ-технологии способны дать малым и средним государствам в условиях геополитической конкуренции и неопределенности.

Предвзятость алгоритмов ИИ

Все более заметное место в публикациях занимает проблематика рисков и угроз, связанных со стремительным внедрением ИИ в сферу международных отношений. Серьезные опасения вызывает такое свойство нейросетей, как предвзятость. Этой теме посвящен, в частности, материал независимого американского Центра стратегических и международных исследований (CSIS) «Предвзятость ИИ при принятии критически важных внешнеполитических решений», подготовленный на основе тестирования ряда больших языковых моделей в условиях моделирования 400 внешнеполитических сценариев и ответов на 60 тыс. вопросов. «Результаты выявили тревожную тенденцию: некоторые из широко используемых моделей ИИ демонстрируют явную склонность к эскалации в кризисных сценариях...» [Atalan, Reynolds, Jensen].

Авторы публикации предупреждают: «Если модели искусственного интеллекта будут систематически склонять чашу весов в пользу эскалации, это может привести к тому, что и в процессе политического анализа предпочтение в конфликтных ситуациях будет отдаваться более агрессивным шагам, что повысит риск просчетов в геополитической обстановке с высокими ставками. Без постоянной оценки и доработки, ИИ может усилить тенденции к эскалации в сценариях, когда предпочтительными вариантами являются сдержанность и стратегическая неопределенность». Кроме того, «предвзятость в плане эскалации, как выясняется, связана с тем, о каком конкретном государстве идет речь. Все языковые модели порекомендуют действовать решительно в условиях кризиса с большей вероятностью Соединенным Штатам, Великобритании и Франции, нежели России или Китаю» [Atalan, Reynolds, Jensen].

Одновременно «все протестированные ИИ-агенты продемонстрировали явное тяготение к кооперативным подходам, особенно в том, что касается внешней политики США и Соединенного Королевства. Это отражает латентный акцент на дипломатию и политику альянсов», — что, в свою очередь, объясняется частотой упоминания возглавляемых Западом международных институтов в обрабатываемых нейросетями исторических данных. Такой уклон сформирован установками прошлого и «необязательно соответствует стратегическим реальностям XXI столетия» [Atalan, Reynolds, Jensen].

В этой связи, подчеркивают эксперты CSIS, при разработке стратегии с использованием ИИ особенно важно принимать во внимание динамику контекста. Такие факторы, как смена власти, масштабные геополитические события и переориентация национальных интересов, способны быстро трансформировать мировой политический ландшафт, а в этом отношении прогностические возможности ИИ-моделей по самой их сути недостаточны.

К схожим выводам пришли сотрудники американского исследовательского центра FP Analytics в результате «игрового» эксперимента, проведенного «на полях» Мюнхенской конференции по безопасности 2025 г.

Перед группой из 28 экспертов — участников Мюнхенской конференции была поставлена задача по прогнозированию результатов работы гипотетической «Тегеранской конференции по безопасности», которая могла бы быть проведена Китаем, Россией, Ираном и Северной Кореей. Эта же задача была поставлена и перед ИИ-моделями (DeepSeek, ChatGPT). Две ведущие модели дали в целом схожие ответы, которые перекликались с темами, обозначенными экспертами — участниками симуляционной игры. Однако участники назвали более широкий спектр вариантов с более конкретными параметрами, «особенно в том, что касалось возможности враждебных действий против Соединенных Штатов» [Competition and Disruption...].

Предвзятость, выраженная в склонности к эскалации, и относительно поверхностный анализ геополитических последствий особенно опасны с учетом того, что еще ранее, в 2017 г., исследования выявили способность ИИ «научиться лгать пользователю» [Ünver, p. 11].

Военное применение ИИ

Одной из дискуссионных тем являются риски, связанные с использованием искусственного интеллекта для решения военных задач.

В исследовании аналитиков корпорации RAND, опубликованном в 2020 г., эти риски были разделены на три общие категории: возможность ошибки, повышение вероятности войны, а также риск чрезмерного доверия к возможностям ИИ [Morgan et al., p. 21]. «Хотя эксперты... назвали увеличение скорости и точности в качестве потенциальных преимуществ военного ИИ, они также выразили обеспокоенность тем, что эти системы могут принимать решения слишком быстро или оказаться не в состоянии адаптироваться к неизбежным сложностям войны... Системы на основе машинного обучения способны демонстрировать эмерджентное поведение и действовать опасным образом» [Morgan et al., p. 22].

Тот факт, что использование искусственного интеллекта позволяет вести боевые действия с меньшими людскими потерями и материальными затратами, наряду с неясностью в вопросе ответственности операторов за ошибки ИИ-систем, «может побуждать командиров к более рискованным и агрессивным действиям, усиливающим динамику эскалации» [Morgan et al., p. 22]. Аналитики RAND отмечают также уязвимость ИИ-моделей перед хакерскими атаками, заключая, что «ни одному военному или политическому лидеру не нужно смертоносное оружие, которое ненадежно, может быть взломано хакерами или способно демонстрировать непредсказуемое эмерджентное поведение» [Morgan et al., p. xiv].

Тем не менее, как показали события, в глазах администрации Д. Трампа преимущества от немедленного внедрения военного искусственного интеллекта перевешивают риски. В январе 2026 г. Пентагон объявил о запуске стратегии ускорения развития ИИ в оборонном секторе, которая, согласно официальному заявлению Министерства войны США, должна сделать «Соединенные Штаты бесспорным мировым лидером в области боевых сил, использующих ИИ» [Пентагон...].

Особую остроту эта тема приобрела в связи с применением искусственного интеллекта в ходе начавшейся 28 февраля 2026 г. американо-израильской операции против Ирана. Подтверждена эффективность ИИ-моделей, в частности, для определения целей ударов и расстановки приоритетов [Copp T. et al.]. Отмечается, что используемая вооруженными силами США программа Maven Smart System, разработанная компанией Palantir, анализирует «поразительный объем секретных данных со спутников, систем наблюдения, а также других разведданных», осуществляя наведение ударов в реальном времени [Copp T. et al.].

В сочетании с Maven Smart System была применена ИИ-модель Claude, несмотря на запрет со стороны ее разработчика Anthropic на использование данной технологии для слежки за населением или наведения автономного оружия. «28 февраля 2026 г. Трамп в своем заявлении назвал Anthropic “радикально левой компанией”, обвинил ее в давлении на военных и запретил всем правительственным ведомствам использовать ее технологии. Однако всего через несколько часов CENTCOM применил Claude для ударов по Ирану. Военные одержали тактическую победу над корпоративной этикой, доказав приоритет оперативной необходимости» [Смирнов, Кохтюлина]. Этот инцидент подтолкнул Пентагон к тому, чтобы объявить Anthropic «угрозой поставкам» и в форсированном порядке заключить контракты с более сговорчивыми компаниями, такими как OpenAI и Google, готовыми работать без ограничений. При этом позиция командования вооруженных сил США заключалась в том, чтобы не прекращать использование Claude, пока не будет найдена полноценная замена [Copp T. et al.].

Ранее ИИ-модель Claude была испытана в ходе захвата президента Венесуэлы Н. Мадуро [Copp T. et al.; Смирнов, Кохтюлина]. «Тогда коммерческая нейросеть впервые была применена для обработки данных о передвижениях лидера, схемах охраны и расположении средств ПВО. Успех в Венесуэле подтвердил эффективность ИИ, и этот опыт был напрямую перенесен на иранскую операцию» [Смирнов, Кохтюлина].

Сравнивая рейд на Каракас и операцию «Эпическая ярость», российские эксперты А.И. Смирнов и И.Н. Кохтюлина указывают на «эволюцию роли искусственного интеллекта». Если в Венесуэле речь шла о точечном, тактическом применении и базовой автоматизации разведки, то в Иране ИИ разрабатывал сценарий высокоинтенсивных боевых действий, причем время планирования сократилось «с недель до часов», а точность повысилась на 30–50% [Смирнов, Кохтюлина].

Незадолго до нападения США и Израиля на Иран старший научный сотрудник американского Совета по международным отношениям Майкл Горовиц и старший аналитик центра безопасности и новых технологий Джорджтаунского университета Лорен Кан в своей публикации обратили внимание на опасность существующей тенденции, когда внедрение военного ИИ опережает попытки международного сообщества регламентировать его применение. «Растущий разрыв между международным диалогом по вопросам военного ИИ, все больше акцентирующим внимание на рисках и потенциальных ограничениях его использования, и ускоряющимися усилиями военных ведомств по всему миру по интеграции ИИ должен вызывать озабоченность у всех стран» [Horowitz, Khan].

Гонка ИИ-технологий и «новая иерархия»

В современной геополитике искусственный интеллект все чаще рассматривается как ключевое стратегическое преимущество, от которого в ближайшие годы будет зависеть баланс сил на международной арене, а также процветание отдельных государств — их экономика, военная мощь и технологическая независимость. В этом контексте «План действий Америки в области ИИ», опубликованный 23 июля 2025 г. на сайте Белого дома, формулирует четкую цель — закрепить за США статус мирового лидера в сфере ИИ-технологий, что, по замыслу авторов стратегии, должно обеспечить стране «новый золотой век» [Winning the Race... p. 1].

В документе обозначены три основных принципа «победы в гонке ИИ»: ускорение инноваций, развитие инфраструктуры и дипломатическая работа по распространению американской продукции и стандартов по всему миру. Согласно плану, США должны «внедрять инновации более быстро и комплексно, чем наши конкуренты... а также устранять ненужные нормативные барьеры» [Winning the Race... p. 1].

Администрация Д. Трампа планирует «удовлетворять мировой спрос на ИИ», поставляя союзникам и партнерам США «полный пакет ИИ-технологий», то есть компьютерное оборудование, модели, программное обеспечение, приложения и стандарты [Winning the Race... p. 20]. Признавая, что искусственный интеллект открывает широкие экономические и военные возможности, авторы документа подчеркивают: «...лишение наших иностранных противников доступа к этому ресурсу является вопросом как геостратегической конкуренции, так и национальной безопасности» [Winning the Race... p. 21].

Прямым конкурентом в области ИИ Соединенные Штаты называют Китай. Как отмечает Л. Земанек, научный сотрудник China-CEE Institute при Академии общественных наук КНР, базирующегося в Будапеште, «США сдерживают развитие китайского искусственного интеллекта путем контроля над экспортом, блокируя доступ Пекина к самым передовым чипам» [Zemánek]. По мнению чешского политолога, американская стратегия основана на принципах сдерживания и отчуждения и направлена не на социально-экономическое развитие, а лишь на поддержание собственного доминирования. «США

по-прежнему придерживаются концепции игры с нулевой суммой, теша себя иллюзией, что технологическая блокада может обеспечить длительное господство в области ИИ» [Zemánek].

Китай, напротив, «позиционирует себя как сторонника инклюзии, сотрудничества с открытым исходным кодом и многостороннего управления, но всегда в рамках, защищающих его национальные интересы» [Zemánek]. Л. Земанек приводит в пример «План действий по наращиванию потенциала в области ИИ во благо и для всех», опубликованный МИД КНР в сентябре 2024 г. Авторы документа провозглашают целью преодоление технологического разрыва между развитыми и развивающимися странами и укрепление глобальных связей при поддержании центральной и координирующей роли Организации Объединенных Наций [AI Capacity-Building...].

Современная «гонка ИИ» по масштабу сопоставима с конкуренцией сверхдержав в сфере освоения космоса в период холодной войны, пишет заведующий кафедрой оборонных исследований Университета имени короля Хуана Карлоса (Испания) В.-Г. Ребольедо в своей обстоятельной статье «Влияние ИИ на международные отношения. На пути к глобальному правлению алгоритмов» [Rebolledo]. «Искусственный интеллект все больше воспринимается как движущая сила геостратегической конкуренции между мировыми державами, в частности Соединенными Штатами и Китаем (а также ЕС). Эти игроки активно инвестируют в развитие искусственного интеллекта, чтобы обеспечить себе экономические преимущества и технологическое лидерство» [Rebolledo, p. 35]. Так, в китайском плане развития ИИ-технологий следующего поколения «сформулировано стремление достичь мирового лидерства в области ИИ к 2030 г.» [Rebolledo, p. 35].

Рассуждая о роли Европейского союза, испанский эксперт одобряет стремление Брюсселя стать «первопроходцем» в области регулирования ИИ. Регламент ЕС 2024/1689 (известный как Закон об ИИ) «задает всеобъемлющую нормативную базу для управления разработкой, маркетингом и применением систем искусственного интеллекта в ЕС», при этом во главу угла (в традициях риторики ЕС. — Е.Ш., Д.Ф.) ставится «продвижение инноваций при одновременной защите основных прав, здоровья, безопасности и демократии» [Rebolledo, p. 29].

Однако за одобрительным вступлением следует критика политики Евросоюза. Как отмечает В.-Г. Ребольедо, исполнение этих правил обременительно для малых и средних предприятий и может «препятствовать экспериментам и замедлять развитие ИИ в ЕС по сравнению с регионами с более гибкими подходами» [Rebolledo, p. 43]. Кроме того, указывая на трудность воспроизведения европейских норм в других регионах мира, испанский эксперт подчеркивает, что «для укрепления международного сотрудничества необходим более сбалансированный подход, учитывающий различные правовые и культурные контексты» [Rebolledo, p. 43].

В то же время демонстративный отказ команды Д. Трампа от этических ограничений в разработке ИИ, официально действовавших при администрации Дж. Байдена,

В.-Г. Ребольедо рассматривает как фактор, способствующий обострению международной конкуренции и препятствующий международному сотрудничеству в области управления ИИ [Rebolledo, p. 43].

Различие в степени доступа к передовым технологиям порождает новую форму неравенства, пишет кипрский эксперт И. Салиака в статье «Искусственный интеллект и новая шахматная доска дипломатии» на портале международного аналитического центра «Strategy International». «Этот неравный потенциал создает новую иерархию влияния, которая выгодна тем, кто может позволить себе основанную на ИИ дипломатию, инструменты разработки политики и доступ к вычислительным мощностям» [Saliaka].

ИИ как угроза суверенитету

Чем активнее идет внедрение ИИ-систем в различные сферы управления, тем более значимым становится вопрос национального контроля над этими мощными инструментами. По мнению словацкого профессора В. Шухи, бывшего руководителя представительства Европейской комиссии (ЕК) в Словакии и бывшего генерального директора Объединенного исследовательского центра ЕК, с началом американо-израильской операции против Ирана стало ясно, что Брюссель остро нуждается в собственном, независимом от Вашингтона оборонном искусственном интеллекте [Šucha].

В статье, опубликованной на портале Euractiv, В. Шуха напоминает, что в марте 2025 г. Североатлантический альянс приобрел американскую платформу Maven Smart System, которая уже через год была использована для нападения на Иран (примечательно, что Соединенные Штаты при этом не посчитали нужным согласовывать свои действия с союзниками по НАТО). «Ни один европейский парламент не обсуждал это приобретение. Ни одно европейское правительство не голосовало за условия, при которых его вооруженные силы будут зависеть от американского ИИ в принятии решений на поле боя. А единственная компания, которая пыталась сохранить этические ограничения на военное применение своего ИИ, была занесена в черный список в течение 72 часов. Это больше не дискуссия о технологической политике. Это чрезвычайная ситуация в сфере европейской безопасности» [Šucha].

Словацкий эксперт и еврочиновник призывает европейские государства «инвестировать в суверенный ИИ для нужд обороны». По его словам, «когнитивная инфраструктура» европейских вооруженных сил не должна зависеть от условий, «навязанных Вашингтоном в одностороннем порядке» [Šucha].

Проблематика связанных с ИИ угроз национальному технологическому, культурному и экономическому суверенитету активно обсуждается в публикациях экспертов из стран Глобального Юга.

Так, представитель департамента по вопросам науки, технологий, инноваций и интеллектуальной собственности МИД Бразилии Э.В. Гарсия в своей статье в журнале

Global Policy пишет: «Полный цифровой суверенитет и контроль над собственными данными зависят от внутренних мощностей и соответствующих ресурсов. Лишь немногие страны со средним уровнем дохода были бы способны успешно реализовывать комплексные национальные стратегии в области цифровых технологий, не прибегая к международному сотрудничеству» [García, p. 5].

Бразильский дипломат указывает на «серьезные дилеммы», которые встают перед развивающимися странами в период технологической революции. Быстрые темпы прогресса уже привели к увеличению разрыва между технологически развитыми странами и остальными, которые по-прежнему страдают от устаревшей инфраструктуры и нехватки вычислительных мощностей: «Отсутствие доступа к Интернету, ограниченный технический опыт и недостаточные инвестиции в технологическое образование являются основными препятствиями для полноценного участия в глобальной цифровой экономике» [García, p. 4]. В этих условиях многие государства Африки и Юго-Восточной Азии обращаются за доступной инфраструктурой 5G к Китаю. Однако возможности этих стран самостоятельно определять свою технологическую политику ограничены внешним давлением: «слишком тесное сотрудничество с Китаем может вызвать нежелательную реакцию со стороны Соединенных Штатов, в том числе санкции или лишение доступа к рынкам и технологиям США» [García, p. 4]. Таким образом, странам Глобального Юга приходится лавировать между крупнейшими геополитическими игроками, чтобы иметь шанс на развитие.

Гарсия также отмечает, что из-за ориентации IT-гигантов на рынки США и КНР «инновации зачастую подгоняются под нужды и нормативно-правовые базы этих государств», а для стран Глобального Юга технологии оказываются либо недоступными, либо неподходящими в силу местных обстоятельств. «Это может еще больше увеличить разрыв и затраты, связанные с внедрением технологий, и ограничить возможности экономического роста и развития в этих регионах» [García, p. 4]. Бразильский дипломат призывает развивающиеся страны уделять особое внимание «технологической дипломатии», чтобы глобальное управление «цифровой экосистемой» осуществлялось с учетом их приоритетов. Автор подчеркивает, что «глобальные цифровые соглашения отдельных стран, объединенных общими взглядами, вряд ли станут основным источником легитимности, если не будут принимать во внимание интересы, нужды и требования государств, имеющих иное видение» [García, p. 8].

Исследователи из Нигерии в статье «Искусственный интеллект, международные отношения и религия», вышедшей на страницах *International Journal of Multidisciplinary Research and Growth Evaluation*, констатируют «растущее [в странах Глобального Юга] беспокойство по поводу технологического суверенитета» [Monday, Vakare, Adeyogiju, p. 1263]. Кроме того, авторы высказывают опасения другого рода: чуждые ИИ-модели воспринимаются как угроза традиционным ценностям, национальному и религиозному суверенитету. Разработанные в странах Глобального Севера ИИ-системы, «как правило, отражают определенные общественные ценности — такие как индивидуализм, конфиденциальность и максимальная эффективность при минимизации затрат; эти

принципы могут не обладать подобной значимостью в ориентированных на коллективное взаимодействие культурах Глобального Юга» [Monday, Bakare, Adeyori, p. 1266]. По мнению исследователей, дискуссии о регулировании ИИ на Глобальном Юге выявили другие ценностные ориентиры (коллективное благополучие и гармоничные общественные отношения) в качестве «контрнарратива западным ценностям, встроенным в ИИ-системы» [Monday, Bakare, Adeyori, p. 1266].

Мнения, высказываемые экспертами, представляющими страны Глобального Юга, во многом согласуются и с российской точкой зрения на данную проблематику. В статье официального представителя МИД России М.В. Захаровой «Неоколониализм», опубликованной в июне 2025 г. в «Российской газете», отмечается: «Именно в связке с ИИ неоколониализм приобретает поистине глобальное прикладное измерение и технологическую завершенность. Мир за пределами ареала «золотого миллиарда» сталкивается с формированием новых механизмов зависимости — более утонченных, чем «традиционные» формы подчинения колоний метрополиям, но одновременно более всепроникающих и долговременных. Речь идет о зависимости развивающихся стран не только от поставок оборудования или программного обеспечения, но и от «настройки» алгоритмов, управляющих ключевыми процессами, — от логистики до образования, от медицины до управления общественными мнениями. Это ресурсная зависимость иного уровня, когда основным инструментом «экспорта влияния» становится информация, данные, их качество, а также собственно доступ к вычислительным мощностям» [Захарова].

Заключение

Как показывает анализ публикаций, посвященных применению искусственного интеллекта в международных отношениях, экспертное сообщество не ставит под сомнение неизбежность наступления новой эпохи, определяющую роль в которой будут играть ИИ-системы.

Специалисты из разных стран мира подчеркивают двойственность влияния ИИ на международные процессы. С одной стороны, передовые технологии позволяют повысить эффективность дипломатической работы посредством автоматизации документооборота, улучшения качества прогнозирования и обработки больших объемов данных. С другой стороны, широкое внедрение ИИ заключает в себе многообразные риски. Особого упоминания заслуживают угрозы технологического неоколониализма, утраты суверенитета и разрушения традиционных основ дипломатии как искусства межчеловеческих отношений. Наконец, нельзя игнорировать этическую сторону, в частности, вопрос об ответственности человека за исполнение рекомендаций ИИ, особенно когда эти рекомендации связаны с обострением геополитической напряженности или военными действиями.

Новые технологии уже «не просто дипломатические инструменты, а активные игроки на данной арене, которые вплетаются в кровоток дипломатии, сказываются на до-

верии, меняют стандарты легитимности и нормативную базу» [Saliaka]. В связи с этим необходимость международного регулирования в сфере ИИ признают как в технологически развитых, так и в развивающихся странах. Отсутствие глобальных правил и скоординированных усилий по их выполнению способствует реализации негативного сценария, при котором условия будет диктовать геополитический игрок, наиболее агрессивно внедряющий передовые разработки без оглядки на этику. Результат выглядит предсказуемым: усугубление неравенства и подмена общих интересов узкогрупповыми.

Более благоприятный сценарий возможен при условии добросовестного международного сотрудничества, направленного на создание инклюзивной системы глобального управления искусственным интеллектом, обеспечение прозрачности и подотчетности алгоритмов, координацию усилий по противодействию киберугрозам, а также целенаправленное использование потенциала ИИ для решения общемировых проблем. Богатство ресурсов, научно-технический и инновационный потенциал стран БРИКС, в особенности России и Китая, делают возможным внедрение независимых и конкурентоспособных ИИ-технологий, выступающих в качестве не инструмента грубого давления, а фактора устойчивого и гармоничного развития многополярного мира.

Литература

- Захарова М.В. Неоколониализм // Российская газета. 17.07.2025. — URL: rg.ru/2025/07/17/neokoloniializm.html (дата обращения: 04.02.2026).
- Пентагон объявил о запуске стратегии развития ИИ в оборонном секторе // РИА «Новости». 13.01.2026. — URL: ria.ru/20260113/razvitie-2067544986.html?ysclid=ml6x0tnfg9722454205 (дата обращения: 31.01.2026).
- Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Агрессия США и Израиля против Ирана: цугцванг военного искусственного интеллекта? // Международная жизнь. 03.03.2026. — URL: interaffairs.ru/news/show/54984 (дата обращения: 07.04.2026).
- AI Capacity-Building Action Plan for Good and for All / Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 27.09.2024. — URL: mfa.gov.cn/eng/wjbzhd/202409/t20240927_11498465.html (date of access: 11.04.2026)
- Atalan Y., Reynolds I., Jensen B. AI Biases in Critical Foreign Policy Decisions / Center for Strategic and International Studies. 25.02.2025. — URL: csis.org/analysis/ai-biases-critical-foreign-policy-decisions (date of access: 31.01.2026).
- Berkoff R. Could artificial intelligence make war and peace decisions? // JHU Hub. 2025. — URL: hub.jhu.edu/2025/06/12/artificial-intelligence-and-foreign-policy/ (date of access: 29.01.2026)
- Competition and Disruption: Artificial Intelligence // FP Analytics / Foreign Policy. March 2025. — URL: fpanalytics.foreignpolicy.com/2025/03/07/competition-disruption-artificial-intelligence/ (date of access: 28.03.2026).
- Copp T., Dwoskin E., Duncan I. Anthropic's AI tool Claude central to U.S. campaign in Iran, amid a bitter feud // The Washington Post. 04.03.2026. — URL: washingtonpost.com/technology/2026/03/04/anthropic-ai-iran-campaign/ (date of access: 17.04.2026).

- Garcia E.* Technology for Whom and for What? A Global South View of Tech Diplomacy // Global Policy. Special Issue. P. 1–9. HSRC. 2025. — URL: hsrc.ac.za/wp-content/uploads/2025/10/Global-Policy-2025-Garcia-Technology-for-Whom-and-for-what.pdf (date of access: 01.02.2026).
- Hemrajani A., Tan R.* The Role of AI in Modern Diplomacy / S. Rajaratnam School of International Studies. 30.09.2025 — URL: rsis.edu.sg/rsis-publication/rsis/the-role-of-ai-in-modern-diplomacy/ (date of access: 29.01.2026).
- Horowitz M., Khan L.* Military AI Adoption Is Outpacing Global Cooperation / Council on Foreign Relations. 11.02.2026. — URL: cfr.org/articles/military-ai-adoption-is-outpacing-global-cooperation (date of access: 20.03.2026).
- Monday B.O., Bakare I.J., Adeyori V.* Artificial Intelligence, International Relation and Religion: USA and Global South // International Journal of Multidisciplinary Research and Growth Evaluation. 2025. Vol. 6. Iss. 2. P. 1261–1271. — URL: allmultidisciplinaryjournal.com/uploads/archives/20250414174030_MGE-2025-2-256.1.pdf (date of access: 03.02.2026).
- Morgan F.E., Boudreaux B., Lohn A. J., Ashby M., Curriden C., Klima K., Grossman D.* Military Applications of Artificial Intelligence: Ethical Concerns in an Uncertain World / RAND Corporation. Santa Monica, CA (Research Report RR3139-1). 2020. — URL: rand.org/pubs/research_reports/RR3139-1.html (date of access: 28.03.2026).
- Rebolledo V.G.* AI Technologies and International Relations // UNISCI Journal. 2025. № 67. — URL: unisci.es/wp-content/uploads/2025/01/UNISCIDP67-1GARRIDO.pdf (date of access: 03.02.2026).
- Saliaka I.* Artificial Intelligence and the New Chessboard of Diplomacy // Strategy International Journal. 22.09.2025. — URL: strategyinternational.org/2025/09/23/publication202/ (date of access: 31.01.2026).
- Šucha V.* Europe’s AI sovereignty just became a security emergency // Euractiv. 01.04.2026. — URL: euractiv.com/opinion/europes-ai-sovereignty-just-became-a-security-emergency/ (date of access: 12.04.2026).
- Ünver H.* Computational Diplomacy: Foreign Policy Communications in the Age of Algorithms and Automation / EDAM Center for Economics and Foreign Policy Studies. November 2017. — URL: researchgate.net/publication/331073991_Computational_Diplomacy_Foreign_Policy_Communication_in_the_Age_of_Algorithms_and_Automation (date of access: 31.01.2026)
- Winning the Race: America’s AI Action Plan / The White House. July 2025. — URL: whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/07/Americas-AI-Action-Plan.pdf (date of access: 11.04.2026)
- Zemánek L.* China challenges America’s AI dominance // RT. 13.08.2025. — URL: rt.com/news/622747-china-us-ai-dominance/ (date of access: 11.04.2026)